

Шолпан Нургожина

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РАССМОТРЕНИЯ КОНЦЕПТА ВЕЖЛИВОСТЬ

Вопросы концепта вежливости не так давно появились в лингвистике.

Обычно в разговорной речи, в диалогах разговаривающие ограничивались несколькими стереотипными формулами и несколькими нормативными правилами. Но всегда ощущалась необходимость формулирования и теоретического обоснования концептов вежливости, которые бы четко определяли содержание и назначение данной группы лингвистических единиц. В 1975 году Г. Грайс в своей статье определил разговорные максимы, перечислил четыре основополагающих правила, в том числе Принципы Сотрудничества, сформулировав разного рода правила (эстетические, социальные, моральные), таких как «Будьте взаимно вежливы!» /1/. Вслед за ним были предприняты неоднократные попытки дать определение концепту вежливости. На начальном этапе правила были лишены любой пригодности, т.е. не могли служить надежным основанием для правильного ведения разговора, так как не служили эффективным средством получения информации (основное правило диалога). Как видим, проблема вежливости находилась не на информационном уровне, когда речь шла о взаимобмене, а на уровне межличностном, установления отношений.

Однако положение дел в этой области меняется, когда во главу угла был поставлен антропоцентристский принцип, когда понятия вежливости стали учитывать при ведении диалога (для получения информации). Исследование речевых актов позволяет прийти к мысли о том, что процесс коммуникативных обменов невозможен без учета некоторых принципов вежливости, поскольку они оказывают в некоторое лингвистическое давление на производимый эффект. Например:

1. «Марат и Я, мы едем на рыбалку»,
и другой вариант той же фразы -

2. «Я и Марат еду на рыбалку», - фраза некорректна в грамматическом плане, неправильно определено подлежащее.

3. «Я и Марат едем на рыбалку», - высказывание некорректно, но уже в другом плане, не в лингвистическом, а в моральном, согласно которому неэтично выдвигать вперед «я» в построении номинативной синтагмы.

Итак, вежливость - это феномен лингвистически релевантный. Но осознание этого происходит только в середине семидесятых годов прошлого столетия, и толчок этому дал Р. Лакофф /2/. Постепенно, благодаря П. Брауну и С. Левинсону, устанавливается подлинное «теоретическое поле» вежливости и возникают следующие задачи:

1. попытаться построить своего рода общую модель вежливости" Т.е. единую систему правил;

2. приступить к тщательному и всестороннему описанию того, что наблюдается в этом поле, как, каким образом эти правила функционируют, их особенности в речевом акте или, точнее, в различных типах речевых актов, отмеченных в различных обществах /3/.

Здесь исходят из того факта, что правила вежливости варьируются в различных обществах, но широта этих вариаций является в настоящий момент объектом споров. И если первые теории вежливости, сформулированные в терминах современной прагматики, отмечены уже к середине 70-х г.г. прошлого столетия, но мысли о ней появлялись в литературе и раньше.

Заметки об этом феномене мы находим в литературе об этике и манерах (иногда в литературе «о поведении в том или ином обществе»), которая особенно быстро распространялась в Европе, начиная с XVI века, а также получила распространение и в России (вспомним эпоху Петра I). Эти тексты, конечно, были посвящены вежливости, но рассматривали этот феномен далеко не в лингвистическом плане. Даже термины обращения и чествования не вписывались в концепт вежливости.

Но в настоящее время вежливость как одна из составляющих поведения человека изучается тщательно не только дипломатами, но и всеми, кто хочет вести успешный речевой акт, успешно коммуникативировать.

Прежде чем приступить к рассмотрению этого феномена, определимся с его определением.

С.И. Ожегов в словаре (1991) дает следующее определение слову «вежливость»: «Вежливый/ая/ое, соблюдающий правила приличия, учтивый»; «Совокупность правил, которая регулирует поведение, язык, рассматриваемые как

самые лучшие в обществе; каким образом соблюдаются эти обычаи /4/.

Из этого можно заключить, что:

1. Концепт «вежливость» применялся по отношению к невербальному поведению также как и вербальному - учебники (как себя вести) описывали манеру поведения за столом, манеру одеваться, точно также как и искусство поддерживать разговор (впрочем, и сейчас их множество). Таким образом, вежливость является феноменом транс-семиотическим, как мы это видим с правилом «мое отступление на второй план» или как это выразил Лакофф (1973:33): «Правила вежливости для речи и для действия одинаковы» /1/. Это значит, что правила языка и правила для других типов совместных человеческих взаимодействий являются частями одной и той же системы.

Было бы неправильным отделять языковое поведение от других типов человеческого поведения (пер. наш – Ш.Н.). Наша задача отделить языковое поведение от других форм человеческого поведения, и речь здесь не идет о бесчисленных правилах поведения за столом, но вообще о том, что называют лингвистической вежливостью в том виде, в каком она вписывается и воплощается в дискурсионном производстве. Точнее, мы исключаем из нашего исследования все ритуалы, которые реализуются в основном невербально, чтобы сосредоточиться только на вербальных высказываниях, учитывая при этом их паравербальное и невербальное сопровождение, так как «тон» и мимика также играют значительную роль (в концепте вежливости или напротив в концепте грубость) в интеракте.

2. Относительно того факта, что вежливость совпадает с целым комплексом правил поведения, который принято считать лучшим в том или ином обществе, может нас снабдить четким критерием и их нельзя идентифицировать. Прекрасное высказывание может быть благодаря некоторым факторам. Таким, как великолепная грамматическая форма, четкость, ясность, богатство лексическое, его действенность. Но все это никак нельзя связывать с вежливостью. Можно быть великолепным в своем дискурсе, не будучи вежливым и наоборот.

Вернемся к теоретикам вежливости, которые, на наш взгляд, в достаточной мере определили специфику этого феномена.

Лакофф (1989:102): «Вежливость можно определить как средство минимализации риска конфронтации в дискурсе. Стратегии вежли-

вости предназначены специально для облегчения взаимодействия. Вежливость касается отношений между двумя участниками, которых мы можем называть «сам я» (говорящий СГ1) и другой (говорящий ДГ2) /2/. Разделяя мнение Лакоффа, можно отметить даже, что концепт вежливости имеет все аспекты дискурса.

Главная его задача - поддерживать социальное равновесие и дружеские отношения, которые дают нам возможность предполагать, что эти отношения, в первую очередь, являются сотрудническими.

Во-первых, концепт подчиняется правилам (если, конечно, речь не идет о принятых формулировках).

Во-вторых, он играет роль на уровне межличностных отношений.

В-третьих, что он служит для сохранения характера гармонии в этих отношениях (в худшем случае - нейтрализует потенциальные конфликты; в лучшем – способствует тому, чтобы каждый из участников речевого акта был настроен доброжелательно).

Можно также добавить несколько терминов, имеющих отношение к вежливости: такт, цивилизация, политес, доброжелательность, этикет, камифо и приличия, благопристойность, правила поведения и т.д. Мы употребляем вежливость в широком смысле слова. Этот термин функционирует в нашем исследовании как архилексема, покрывающая все то, что было перечислено выше, так же как и почтительность. Почтительность мы рассматриваем как особый вид вежливости, специфичность которой заключается в том, что она отражает иерархический статус интерактов, которая заключается в демонстрации символической субординации по отношению к другому.

С.И.Ожегов: «Почтение, -я, ср. - Глубокое уважение. Относиться к кому-либо с почтением» /4/. В нашем обществе принято относиться почтительно к заслуженным, пожилым людям, во всем мире к женщине - матери. Но если возьмем, например, Японию или Корею, то, как отмечают некоторые исследователи, они противопоставляют почтительность вежливости (вместо того, чтобы вписаться в нее) на основе следующих наблюдений.

Почтительность и вежливость выражаются по разному в этих языках: языковые формулы и уровень языка очень различны (интонация, не прямое обращение и т.д.).

Вежливость диктует нормы поведения, которые должны соблюдать говорящие в интеракте. Но при разговоре может присутствовать

и третье лицо, которое не принимает участие в этом речевом акте. Вежливость по отношению к третьему лицу демонстрируется в японском

языке, к примеру, тем, что не принято применять личные местоимения, но имя собственное. Например:

English speaker (Г1):	Where's Mr Smith?
Англоговорящий:	Где мистер Смит?
Japanese speaker (Г2):	<u>Mr Smith</u> just left to go to the Hospital.
Говорящий по японски:	Мистер Смит только что ушел в госпиталь.
English speaker (Г1):	Why's that?
Англоговорящий:	В чем дело? /Почему?
Japanese speaker (Г2):	Mr Smith's wife has had an accident.
Говорящий по японски:	Что-то случилось с женой <u>мистера Смита</u> .

Можно отметить, что существует огромная дистанция, которая разделяет разговоры (один и тот же говорящий ведет с одним и тем же собеседником в его присутствии разговор и в его отсутствии. Можно заключить, что в нашем языке нет общего средства между должом Г1, который он должен иметь по отношению к Г2 и по отношению к отсутствующему Г3.

В дальнейшем мы будем рассматривать систему, которая включает правила, диктующие поведение Г1. Говорящий-1 должен адаптировать свое поведение по отношению Г2 (принцип ДГ ориентированные) и по отношению к себе (принципы СГ1 - ориентированные). Это, конечно, «издержки» языка, если говорить о вежливости по отношению к себе. Но поскольку в лингвистике еще не существует подходящего термина, то мы попытаемся расширить концепт вежливости до совокупности принципов СГ1 и ДГ2 ориентированных.

Уточним, наконец, что высказывание может быть вежливым, невежливым или нейтральным и что каждое из этих двух полярных категорий должно рассматриваться как градуированное на шкале вежливый -невежливый.

Концепция вежливости в том виде, в каком ее разработали П. Браун и С. Левинсон связана и основывается на концепте «лица», выдвинутой Гофманом. Она характеризуется тем, что любые социальные существа обладают двумя «лицами»:

1. Отрицательным «лицом», которое соответствует тому, что Гофман определил как «мои собственные территории» - телесная территория, пространственная или временная, ценности и запасы, материальные или когнитивные.

Это понятие «территория», которое исходит непосредственно из этимологии животных, здесь будет рассматриваться более широко, т.е. будет касаться одновременно:

- самого тела и различных аксессуаров (одежда, карманы, ручная сумка, если в них начинают рыться);

- комплекс материальных предметов индивида (это мое: моя тарелка, моя ложка, моя жена и т.д., к которым никто чужой не смог бы иметь доступ без видимого разрешения владельца или, по крайней мере, кто. имеет на это легитимное право);

- пространственная территория: его место, его дом, своеобразный шар, внутри которого он занимает жизненное пространство и. размеры которого меняются;

- временная территория и, в частности, время говорения, т.е. корректно вести разговор (отсюда возможны грубые прерывания);

- запрещенная (скрытая) информация, секреты. Например, считается невежливым заглядывать в чужое письмо, спрашивать о зарплате, о возрасте дамы и т.д. Получается как бы вмешательство, вторжение на чужую территорию, отсюда выражение «Мой дом - моя крепость».

Рассмотрим теперь положительное «лицо», которое соответствует принятому у нас понятию «нарцизму», и совокупность престижных «обликов», которые выстраиваются собеседниками и которые они пытаются примерять к себе в интеракте.

Вышеуказанные гофманские понятия «территории» и «лица» получают дальнейшее развитие в работах Брауна и Левинсона, называясь при этом «негативное отношение личности» и «положительное отношение личности».

Это в некоторой степени новый термин, который, на первый взгляд, как бы говорит об отношении оппозиции между этими двумя понятиями, но на деле и положительное и отрицательное являются основными дополняющими друг друга составляющими любого социального существа. Кроме того, на наш взгляд, термины Гофмана кажутся более мотивированными, поскольку

метафора «территория» в лингвистическом значении очень на слуху, а что касается слова «лицо», то оно используется в повседневном

языке постоянно, например, в таких выражениях, как «потерял свое лицо», «постороннее лицо» и т.д.

1. Grice H.P. 1979: *Logique et conversation*. *Communications* 30 :57-72, 1975: *Logic and Conversation in P. Cole & J.L.Morgan (éds): Syntax and Semantics*, vol. III, New-York: Academic Press; 41-58.

2. Lakoff Robin (Talmach), 1973: *The Logic of Politeness, or, Minding your p's and q's*, *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*: 292-305; 1977: *What You Can Do With Words: Politeness, Pragmatics, and Performatives*, in A.Rogers, B. Wall & J.P.Murphy(éds).

3. Brown P., Levinson S. 1978: *Universals in language use: Politeness phenomena in Goody E. (éd): Questions and politeness. Strategies in social interaction*, Cambridge: CUP, 56-289; 1987: *Social structure, groups and interaction in Scherer§Giles*, 1979:291-341.

4. Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. - М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1953. - С. 523.

* * *

Автор өз мақаласында лингвистикадағы сипайлық концептісінің пайда болу мәселелерін, сондай-ақ оның дискурстық сипаттарын қарастырады.

* * *

In article the author considers some questions of occurrence of concept of politeness in linguistics, and also its discussion characteristics

И. Г. Оразбекова

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

Лингвистическая гендерология представляет новое направление в лингвистике и имеет цель установить средства лингвистического выражения концепта “пол” на разных уровнях языка. Исследования в данном направлении активизировались в последние десятилетия XX века, что связано со сменой научной парадигмы в лингвистике.

В современной лингвистической науке структуралистскому подходу противостоит такое направление, как когнитивная лингвистика. Когнитивная наука рассматривает язык в одном ряду с другими когнитивными способностями человека, такими, как мышление, восприятие, рассуждение и т.п. В то же время язык и сам несет отпечаток человеческих способов освоения реальности. В связи с этим диапазон источников анализа гендерных исследований стал более разнообразным: от исследования художественного текста ученые приходят, с одной стороны, к изучению дембельских альбомов и дневников подростков, речи профессиональных сообществ, мужчин и женщин, субкультур, малых групп и — с другой — к описанию различных видов институциональной коммуникации, лингводиагностике и многим другим направлениям, цель которых — получение информации о говорящем субъекте.

Во второй половине XX века появление новых социально-философских теорий происходило параллельно с демократизацией западного общества. Студенческая революция 1968 года,

активизация феминизма способствовали ускоренному распространению целого ряда идей. К их числу относятся и осознание социально-культурной обусловленности пола. «Новое женское движение» в США, вступившее в борьбу с патриархатом, стимулировало научное осмысление гендерной концепции и в значительной степени способствовало ее распространению в целях политической борьбы. С конца 60-х годов XX века в языкознании (главным образом в США и Германии) возникает направление, названное феминистской критикой языка, или феминистской лингвистикой. Это направление существует и сегодня, но в более взвешенном состоянии, пройдя типичную для начального этапа «алармистскую» стадию, когда высказывались радикальные утверждения, многие из которых впоследствии не подтвердились или подтвердились частично.

А.В. Кирилина и М. Томская отмечают, что в самом общем плане исследование гендера в языкознании касается двух групп проблем.

1. Язык и отражение в нем пола. Цель такого подхода состоит в описании и объяснении того, как манифестируется в языке наличие людей разного пола (исследуются в первую очередь номинативная система, лексикон, синтаксис, категория рода и т. п.), какие оценки приписываются мужчинам и женщинам и в каких семантических областях они наиболее заметно/отчетливо выражены.